

Светлана Шишлова

А КТО ЖЕ
УБИЙЦА?

Неужели она в
опасности?
Это странно.
Ведь, рядом
только родные,
близкие люди...

**ЖЕНА В
СТИЛЕ
МИЛИТАРИ**

Светлана Шишлова

Жена в стиле милитари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69208159

SelfPub; 2023

Аннотация

Счастливая сорокалетняя домохозяйка Марина вдруг становится объектом для покушений. С чего бы это? Ведь в ее жизни все так мирно и благополучно! И окружают ее исключительно хорошие люди: любимый муж, лучшая подруга, душевная соседка... Так почему же кто-то неизвестный так настойчиво пытается ее убить? Конечно, ответ будет найден. Но какой ценой!

Светлана Шишлова

Жена в стиле милитари

Я не знаю, чья это спина. Но она такая широкая, сильная, уютная. Мне так хочется ее погладить. Наверное, она теплая и гладкая. Я нежно касаюсь ее пальцами, и вдруг раздаётся оглушительный звон. Я открываю глаза и сразу фокусирую их на будильнике. Шесть пятнадцать. Как? Я же ставила на половину шестого! Или не ставила? Совсем плохая стала... В состоянии «Поднять – подняли, а разбудить забыли», босая, шлепаю на кухню. Сережа, уже одетый, стоит с чашкой кофе в руке.

– Ну и чего ты встала? Иди ложись, поспи еще, я уже ухажу, – говорит он.

– Сережа, я опять проспала. Ну почему ты меня не разбудил? – канючу я.

– А зачем? Что, я кофе сам себе не сварю?

– Ты сварешь. Только жена тогда зачем?

– И правда, зачем? Я подумаю об этом...

– Я тебе подумаю! Думальщик! А ты в этот раз не очень надолго?

Сергей поставил чашку на стол, и в следующую минуту я оказалась в кольце его рук. Как в домике.

– Маринка, ну ты же знаешь. Это не от меня зависит, по ситуации. Я буду звонить по возможности. Не знаю, какая

там связь. Скорей всего, никакая...

Во входную дверь осторожно постучали. Домик пропал.

– Это Володя. Все, пока! Или досыпай.

Сергей быстро прошел в прихожую, я – следом. Пока он надевал куртку, я взяла в руки собранную с вечера дорожную сумку.

– С ума сошла? Она же тяжелая! – привычно возмутился муж. Я охотно уступила суму и подняла лицо для поцелуя. Муж традиционно чмокнул в губы.

– Ну все, пока! – сказал он и вышел, аккуратно захлопнув дверь. На миг в дверном проеме мелькнуло лицо Володи, и я невольно отшатнулась: негоже водителю созерцать жену босса в ночной рубашке.

Пошла в спальню и из окна понаблюдала, как как мой муж садится в машину, как она неспешно трогается, оставляя на белом припорошенном асфальте две темные полосы.

А небо на востоке еще только начинает светлеть. И в доме напротив еще половина окон темная. Спят еще люди. Может, не грех и мне покемарить еще часок-другой?

Я нырнула под одеяло. Тихо. Тепло. Счастье.

Утро начинается с рассвета... А вот у меня, как раз, с рассвета не всегда. Бывает, что оно начинается в полдень. Но с чего оно начинается неизменно – так это с уборки. Даже если и убирать-то нечего. Просто с тех пор, как я не работаю, мне как-то совестно просто так встать и ничего не де-

лать. Синдром Золушки, вероятно. Поэтому сразу: умылась, быстренько все протерла и, наконец, неспешный заслуженный завтрак и кофе.

Да, я не работаю. С тех пор, как Сережа стал хорошо зарабатывать, ходить на свою работу мне стало как-то незачем, настолько это стали несопоставимые цифры – его заработок и мой. Не знаю, как поживают без меня те учреждения, коим я подарила часть своей жизни, работая то секретарем, то диспетчером, то воспитателем, а я без них поживаю просто отлично! Единственный мой сынуля – уже студент, учится в другом городе, муж все больше пропадает на работе, а я все чаще завтракаю, обедаю и ужинаю одна. Сначала я обрадовалась внезапно свалившемуся долгожданному достатку, затем затосковала без работы, и лишь недавно стала находить прелесть в том, что так много времени провожу наедине с собой. Наконец-то, я могу прочесть все то, на что раньше не хватало времени. А сколько спектаклей, выставок увидела я за последний год! Да я за всю свою жизнь столько не видела! Жаль только, что Сережа редко бывает свободен, и поэтому на все культурные мероприятия я хожу со своей школьной подругой Ириной, что в общем-то и неплохо – надо же хоть когда-то видеться, не все же только по телефону общаться! Вот и сегодня мы с ней встречаемся на выставке молодых художников. Но это потом. А сейчас я кайфую от обалденного кофе и наблюдаю за парочкой голубей по ту сторону окна. Это мои давние приятели. Вот прямо сейчас открою окно, и

они получают своей ежедневный паек: хлебные крошки и семечки.

Хотя, нет. Подождите, голубки, в дверь звонят.

На лестничной клетке – Наташка из квартиры напротив. Конечно, кто же еще? За те два года, что она живет в нашем доме, мы здорово сблизились. Хотя я не уверена, что это здорово. Наташка много младше меня, квартира ей досталась по наследству, и она въехала в нее вместе со своими, вроде бы, и милыми, но довольно беспардонными привычками. Наташка – из тех, кому обязательно нужен в жизни поводырь, кумир, которому подражают, на кого молятся и кому можно открыть всю душу. По совершенно непонятным для меня причинам выбор этот пал на меня. На данном этапе ее жизни. Очень надеюсь, что в скором будущем она подберет для себя другого, более терпеливого кумира. А пока что я исполняю эту роль, и свою душу Наташка регулярно открывает мне.

– Привет, Марина, к тебе можно?

– Здравствуй, Наташа. Ну конечно, заходи. Кофе будешь? – на ходу спросила я.

– Да нет. А в общем, давай. Авось, полегчает.

Я вопросительно посмотрела на уже привычно устроившуюся на кухонном диванчике Наташку.

– У тебя что-то случилось? Надеюсь, ничего страшного?

– Ой, я даже не знаю... – простонала она.

– Ну давай рассказывай, чего время-то тянуть? – я села

напротив и приготовилась слушать.

– Марин, я потеряла свою единственную в жизни любовь!

– Господи, да говори ты толком! Что-нибудь с Валерой?

– Марина, ну ты вообще! Я с ним рассталась уже давно.

Уже неделя, даже больше. Это было все не то... Я влюбилась.

Теперь уже по-настоящему! Он – потрясающий!

– Влюбилась? Когда?

– Вчера.

– Где?

– Разве это важно? – Наташка, вдруг, слегка повысила голос, – Ты что, не слышишь меня? Я влюбилась!

– Ну и прекрасно! А что это вдруг с таким трагизмом-то?

Тут соседка шумно вздохнула и изрекла:

– Я, наверное, его больше никогда не увижу. Вся надежда только на тебя.

– Я-то ту при чем?

– А ты на меня не обидишься? Нет? – она вдруг заискивающе взглянула мне в лицо, – Тогда слушай.

И Наташка поведала мне следующую историю.

Вчера, перебегая мокрую после дождя дорогу, она поскользнулась, упала, сильно свезла себе колено и вообще суть не угодила под машину. Водитель вышел, помог пострадавшей сесть в свое авто и предложил подвезти до ближайшего травмпункта. Наташка сначала, вроде, отказывалась, сказала, что сама сможет обработать рану, что тут же, собственно, в машине, и было сделано. Благо, аптечка есть у

каждого автомобилиста. Но потом, вдруг, внезапно выяснилось, что новый Наташин знакомый ужасно проголодался. Его, кстати, Ильей зовут. И Наташа любезно приняла предложение составить ему компанию – сходить в ресторан. Потом они еще кое-куда сходили: боулинг, тир, и лишь после этого девушка была доставлена к своему подъезду, где новые знакомые нежно попрощались. Такая вот незатейливая история. Плюс – практически полный Диснейленд в обществе приятного мужчины, минус – ссадина на коленке. Проблема-то в чем? И почему, интересно, я могу обидеться?

– Ну, Марина, сама не знаю, как это у меня вырвалось, но я ему твоим именем назвалась.

– Господи, зачем?

– Сама не знаю. Просто, как-то само получилось... Наверное, просто потому, что мне хочется как-то на тебя походить... Я, если честно, и квартиру твою сказала вместо своей. Ну, извини! Ну вот такая я дура!

Ну вот что с ней делать? Желание было одно – выкинуть в окно.

Вместо этого я глубоко вздохнула и сказала:

– Ну это слишком мягко сказано.

В огромном зале Макдональдса в углу сидел человек в наглухо натянутом на голову капюшоне, и его взгляд был устремлен на вход. Вдруг в дверях среди сновавших туда-сюда людей появился высокий худой парень, который сделал

пару шагов внутрь и встал, озираясь. Затем, заметив из-за углового столика приветственный жест мужчины, подошел к нему.

– Простите, – начал он, – если не ошибаюсь, это Вы мне писали, да?

– Не ошибаешься, – без выражения ответил мужчина, – Садись.

Парень сел, суетливо пристроив на коленях спортивную сумку.

– Принес? – спросил мужчина.

– Картридж?

– А что, я заказывал колготки? Не задавай глупых вопросов. Показывай.

Парень поерзал на стуле, потом неуверенно спросил:

– А расчет когда? Я хотел уточнить, я деньги прямо сейчас смогу получить? Или...

– Пожалуй, «или». Сам подумай, не могу же я платить такие бабки за kota в мешке. Надо же проверить. Вот проведу испытательный эксперимент, тогда и о деньгах поговорим.

Вдруг парень решительно поднялся.

– Нет! Извините, мне это не подходит. Понимаете, он у меня пока в единственном экземпляре. Конечно, я могу еще изготовить, формулы-то все здесь, – и парень постучал пальцем по собственному лбу. – Но дело в том, что мне очень нужны деньги, очень срочно. В общем, если Вы не готовы, то у меня есть кому еще предложить.

– Сядь! – мужчина повысил голос так, что на него обернулись с соседних столиков.

– Сядь! – повторил он уже тише.

Парень повиновался.

– Ладно, я расплачусь сейчас. Давай рассказывай, как и что. Но учти, если ты решил меня обуть!

– Что Вы! – испуганно замахал руками парень. – Я бы ни за что не решился!

– Короче! – прервал его мужчина.

– Значит, так, – у парня вдруг изменилось лицо. Вместо затравленного выражения появилось такое просветленно-радостное, что мужчина даже почувствовал уважение к этому местечковому Кулибину. Вместе с этим пришло и чувство жалости к парню: он сам не знает, сколько стоит его светлая голова, и как ее нужно беречь от всяких неприятностей. А неприятности у парня обязательно будут – только абсолютно безбашенный может в открытую предлагать в Интернете такие вещи, да потом еще безбоязненно идти на встречу с незнакомцем, надеясь при этом получить доброго незнакомца дяденьки деньги. Хорошо, что ему попался я, думал мужчина, а не какой-нибудь отмороженный. Мысль показалась приятной. Неплохо иногда почувствовать свое благородство.

Парень между тем достал из сумки что-то завернутое в целлофановый пакет и стал объяснять.

– Тут все очень просто. Заправляешь в принтер этот кар-

тридж – и все. Внешне он ничем не отличается от обычных. Ясность текста абсолютно не отличается. Все очень четко видно, как положено. Но если на лист оказать воздействие высокой температурой, то весь текст исчезает. Вот и все!

И тут парень засмеялся, ну просто как ребенок. Даже захотелось погладить его по голове. По крайней мере, он как будто примерно этого и ждал.

– Так, я не все понял. Что значит: воздействие высокой температурой?

– Да можно просто горячим утюгом прогладить. Я пробовал. Но лучше через ткань, чтобы не повредить бумагу. Исчезает прямо на глазах, ни одной буковки не остается.

– Ну а если на листе будет что-то, помимо принтера, написано шариковой ручкой или чернилами. Ну, подпись, например. Тогда как?

– Ну разумеется, текст из принтера исчезнет, а чернила останутся. Как же иначе? Я думаю, они даже закрепятся...

– Я тоже так думаю. Ладно. На, получи гонорар.

Мужчина взял в руки сверток и не торопясь наблюдал, как парень открыл протянутый ему конверт и длинными пальцами перебирал лежащие в нем купюры. Затем, счастливо улыбнувшись, положил конверт в сумку, попрощался и уже сделал было несколько шагов в сторону выхода, но вдруг остановился и сказал:

– Совсем забыл сказать! Состав чувствителен к изменению температуры только первые 30 часов. Вы поняли? Все

можно сделать только в течение суток после вскрытия упаковки на картридже. Вы поняли? То есть, в течение этих суток и текст должен быть напечатан. Вас это устраивает?

– Устраивает. И я тоже чуть не забыл. Ты сейчас придешь домой, сядешь за свой компьютер и сотрешь все, что может тебе напомнить обо мне. Ты понял?

– Да, понял, – испуганно проговорил парень.

– Очень хорошо. И в целях сохранения здоровья прошу не вспоминать мой электронный адрес. Тем более, его больше нет.

– Все понял. До свидания, – парень не на шутку был напуган внезапно заледенелым тоном покупателя и быстро удалился.

А мужчина, не торопясь, с довольным видом медленно вышел на улицу и направился к припаркованному поодаль автомобилю.

Если следовать поговорке, что алмаз требует соответствующего фона, то в данной обстановке с этим было все в порядке. Роль алмаза выполняла секретарша Раечка. А фон был такой: кабинет с дорогим евроремонтом, обилие оргтехники вперемежку с милыми вещичками, принесенными из дома: вазочками, статуэтками и прочими штучками. И хотя босс неоднократно намекал, что они не вполне уместны в деловой обстановке офиса, Раечка, словно сорока, падкая на все блестящее, не спешила с ними расстаться.

Человек несведущий, глядя на эту куколку с распахнутыми глазками, мог подумать, что в этой милой головке вместо мозгов уютно расположились опилки. И он был бы тысячу раз неправ! Раечка более чем соответствовала своему званию секретаря-референта, боссу была предана, и он знал об этом. Кроме того, это был тот случай, когда преданность держалась на правильно расставленных акцентах руководителя, уважительном отношении к своим подчиненным, и когда свои сексуальные позывы босс реализовывал только дома с молодой женой. И больше ни-ни. Иначе Раечка знала бы. Она как хорошая секретарша знала практически все.

В данный момент Раечка недовольно смотрела на свой указательный палец. Форма ногтя оставляла желать лучшего. Для любого другого это был просто очаровательный пальчик. Но Раечка привыкла добиваться совершенства. Вздохнув, она достала из стола маникюрный набор и тут же положила его на место. Дверь в кабинет начальника распахнулась, и оттуда вышли босс вместе со своим заместителем.

– Рая, я – в банк. Буду через час. – На ходу сказал Никита Иванович.

– Хорошо, я поняла, – быстро ответила секретарша.

Мужчины скрылись за дверью, но через минуту один из них вернулся.

– Раечка, не велите казнить.... Что-то с памятью моей стало... Вот этот документ подпишите, пожалуйста, у Никиты Ивановича, как только он вернется, хорошо?

Раечка взяла из рук мужчины лист бумаги и бегло его просмотрела. Ее бровки радостно приподнялись.

– Этот документ, Игорь Анатольевич, я отнесу в первую очередь, не сомневайтесь!

– А я и не сомневаюсь. Вы – ангел, Раечка! Как Вам нравится, кстати, седьмой пункт?

– Да, именно седьмой мне особенно нравится. Тем более, и число мое любимое!

– Я рад. Число, действительно, хорошее. Для Вашей фамилии лучше не придумать. Ну, не под шестым же номером ее писать?

В глазах Раечки мелькнули две льдинки.

– Боже упаси! – мужчина понял, что сказал лишнее, самое время сменить тон на деловой.

– Итак, Раечка, я на Вас надеюсь. Скоро юбилей, сами понимаете...

– Понимаю, Игорь Анатольевич, и приказ о внеочередном премировании как нельзя кстати. Если, конечно, все согласовано с Никитой Ивановичем.

– Ну, разумеется, мы это уже обсуждали. Вернее, я внес предложение, и Никита Иванович не был против.

Зазвонил телефон. Раечка сняла трубку, быстро и по-деловому ответила на звонок. Не успела положить трубку – снова звонок. Мужчина почему-то не спешил покидать кабинет, с любопытством наблюдая, как женщина-куколка вмиг превратилась в бесстрастную деловую даму, умеющую ловко

делегировать все второстепенные вопросы и оставлять для своего босса только самые важные.

Игорь Анатольевич все стоял и смотрел на Раечку. Та закончила телефонные разговоры и с выжидательной улыбкой посмотрела на мужчину. Он опомнился.

– Я уже ушел. Так, не забудьте, Раечка! Я зайду в конце дня.

– Непременно!

Если бы Раечка была на самом деле такой глупышкой, какой чаще всего казалась, то она непременно спросила бы: «С какой это стати Игорь Анатольевич Савин сам составляет подобные документы? И почему в трех экземплярах?». Но она не спросила, а просто мысленно отправила эту информацию в свой прелестный архив – кудрявую головку.

– Тебе здесь вообще хоть что-нибудь нравится? – шепотом спросила Ирина.

– Ага, рамочки хорошие. Я бы такие взяла под семейные фотографии, – сказала я.

– Ты просто невежда!

Это она выдала после часа нашего гуляния по залам галереи, где недавно открылась выставка когорты новоявленных живописцев. Ирина, моя подруга детства, утверждала, что все приличные люди просто обязаны ее посетить. Либо их нельзя более будет считать приличными.

– Ира, ну почему сразу «невежда»? Я не очень люблю есть

что попало, носить что попало и любоваться чем попало я тоже не люблю.

– Да что ты о себе возомнила? – Ирина аж задохнулась от возмущения, – Тебе вообще ничего не нравится. В прошлый раз твоему изысканному вкусу не угодил даже Архип Лентулов!

– Ну, во-первых, если не ошибаюсь, его звали Аристарх. И то, что он творил сто лет назад, на мой взгляд, ценности его работам никак не добавляет. Все, пошли отсюда, – повернувшись, я уже сделала пару шагов по направлению к выходу, но столкнулась с весьма экзальтированной особой. Дама выглядела столь эксцентрична, что это мешало даже приблизительно определить ее возраст.

– Простите! – на ходу буркнула я, но не тут-то было...

– Вы уже уходите? – рука особы вмиг превратилась в шлагбаум, а на ее лице отразился симбиоз разочарования и удивления, – Вам не понравилась наша выставка? Очень жаль!

Ирина, добрая душа, решила утешить это пестро одетое создание и поспешно сказала:

– Ну что Вы! Такие работы чудесные! А Вы, вероятно, устроительница и хозяйка, так сказать?

– В некотором роде... Вообще, я – художница. Вот с некоторых пор работаю в Вас в Павлограде. Меня зовут Лана Горская. Возможно, Вам приходилось обо мне слышать?

После секундного замешательства Ирина вывела нас из

неловкости:

– Да-да, конечно, где-то я, кажется, читала... А Вы в каком жанре работаете?

– Я – портретистка.

– Боже, Марина, ты слышишь? Это же нужно быть настоящим мастером, чтобы...

Все. Ее понесло. Это у Ирины с детства. Люди с богемным налетом вызывают в ней просто благоговейный трепет. Вот такой пунктик. Это оттого, что ее в свое время дважды не приняло в художественное училище, пришлось оканчивать педагогическое. С тех пор столько вод утекло! Но Ирина, отличный учитель, между прочим, превращается иногда просто в какого-то восторженного щенка, стоит ей лишь рядом появиться такому вот чуду разноцветному, гордо имеющему себя «Художник». А портретистка Лана, видимо, решила, окончательно загипнотизировать бедную Ирину:

– У Вас удивительное лицо! Да, очень выразительное. Просто просится на полотно. И весь облик. Такая органика!

– Что? – не сдержалась я. – В деревне органикой называют навоз. Так и говорят: «Вывоз органики на поля». И если моя подруга Вам чем-то напоминает...

Я послушно умолкла под сверкнувшим взглядом Ирины. А Лана раскатисто рассмеялась, обнажив великолепный фарфоровый зев. Видать, и вправду, художница стоящая! Деньги, по крайней мере, есть.

– Ну что Вы! «Органика» – это чисто специфический тер-

мин. Значит, органичность, гармония... Я бы, в самом деле, с удовольствием написала Ваш портрет, милая... Если Вы не против, конечно. Вот моя визитка.

Ирина аж привстала на цыпочки. Пора спасать подругу. Со словами: «Всего доброго, нам пора. Ира, я жду тебя в машине» я вышла на улицу. Надеюсь, совесть у подруги есть, и она не заставит меня ждать более пяти минут.

А пока я купила на книжном развале у входа какой-то иностранный журнал. Купила, кстати, исключительно из-за обложки. На ней был изображен огромный красный цветок. Обожаю все красное! Правда, листая его в машине, поняла, что журнал старый, ему почти год. Ну и что? Он красивый! А это главное. Потом на досуге почитаю. Бросила его на заднее сиденье.

Наконец, выпорхнула раскрасневшаяся Ирина. В шубке нараспашку, на ходу поправляя шпильки в тяжелом пучке волос. Я в очередной раз залюбовалась подругой. До чего же хороша! Несмотря ни на что. Ни на приближающийся сороковник. Ни на неудачную личную жизнь. А вернее, ее отсутствие, ни на прочие обстоятельства женщины, воспитывающей двух детей при отсутствии мужа.

– Так, студия «Антика», художник Лада Горская, телефон..., – прочитала визитку Ирина, едва только утроилась рядом в машине, – Марин, как ты думаешь, сколько она взяла бы за портрет?

– Ты это серьезно?

– А что? Представляешь, я – в старинном больном платье...

– Каким именно?

– Ну нафантазирует сама что-нибудь. Кстати, я забыла телефон сегодня.

– И уже далеко не в первый раз!

– Ну да... Ну, ладно тебе смеяться! Запиши на свой, а? А то я все равно эту визитку потеряю, ты меня знаешь.

– Да уж. Как ты только голову до сих пор не потеряла! – я достала свой телефон и записала телефон художницы. – Ну что, в Переборы? Или планы изменились?

– Не изменились. Надо съездить. Никита ждет. И что бы я, безлошадная, без тебя делала? – Ирина извинительно улыбнулась.

– Пропала бы, конечно! А мне все равно делать нечего. Сережа опять в командировке. Так что, я – женщина ужасно свободная!

– «Ужасно свободная!». Это – полная бессмыслица. Как-то не звучит.

Ирина, видимо, ни на секунду не забывает, что она преподает русский.

– Нет, подруга, никакой бессмыслицы. Я свободна, никому ничего не должна ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. И это ужасно. Да еще сын позвонил, что раньше каникул не придет. С ума сойти!

– А я тебе говорила: нечего отпускать в чужой город! У

нас что, своих институтов мало?

– Вот твои вырастут – и погляжу, много ли тебя спрашивать будут?

– И погляди. Как скажу – так и будет.

– Ага, мечтать не вредно.

До Переборов – час езды. Сначала мы ехали молча. Я первая нарушила тишину.

– Слушай, а я иногда забываю, сколько мне лет. Seriously! Они так быстро бегут. Бывает, где-то спросят: «Возраст?», я лихорадочно вспоминаю: двадцать семь, тридцать три, ага, тридцать восемь! И все это – в течение сотой доли секунды. Но помню весь ход своих мыслей. У тебя так не бывает?

– Марин, не будем о грустном!

– Да что что! О чем грустить? Для меня эти цифры – отдельно, а я – отдельно. И уж тебе-то вообще грех жаловаться. Ты в зеркало-то смотришься?

– А кому это надо? Вот тебе повезло в Серегой! А за что тебе это? Ладно, была бы какая красавица. Господи, без слез не взглянешь.

– Правда? Мои дела так плохи? – мне вдруг стало смешно.

– А я? Сколько себя помню – вечно под прицелом. Мужики глаз не сводят. Этим их внимание и ограничивается. А если с кем и познакомлюсь, то все какие-то попадаютя...

– Зато мне не предлагают написать мой портрет!

– Да шут с ним, с портретом, – подруга Ирина, похоже, не

на шутку загрустила, и я решила использовать для поправки ее настроения проверенный козырь:

– Зато у тебя дети красивые!

– Это – да! И очень умные!

– А что может быть важнее?

– А ничего!

– Вот именно.

Город за стеклом редел на глазах. Еще минут двадцать, и будет коттеджный поселок Переборы, где живет брат Ирины. Никита старше сестры на пять лет, и сколько я помню, всегда был для нее защитой и опорой. В юности многие Иркины кавалеры были им забракованы как негодные и недостойные его сестры, и постепенно его стараниями вокруг Ирины образовался вакуум, который парни боялись нарушить по той простой причине, что никому не хочется ходить с битым носом. Такая вот «поддержка и опора». Ирина сначала воевала с братом, потом устала ругаться и положила на него абсолютно. Раз, мол, ты такой умный, в райкоме комсомола работаешь, что ж, тебе видней. Ищи! И Никита нашел. Красавец-жених занимал неслабую комсомольскую должность и имел очень большие перспективы. Ира вышла за него замуж, вскоре появились погодки Алеша и Аленка. Красивая благополучная семья вызывала всеобщую зависть. Но вдруг кончился Советский Союз и вместе с ним комсомол. Никита и вкуче с ним его комсомольские друзья не растерялись, нос

держали по ветру и ко всеобщей приватизации оказались готовы. А Иркин красавец-супруг неожиданно обнаружил в себе тягу к спиртному, сначала легкую: «Устал как черт, нервы никуда не годятся», а затем – непреодолимую и уже ничем не мотивированную. Никита и Ирина пытались всеми силами вытащить его из этой трясины, но их потуги оказались напрасными. И в один отнюдь не прекрасный день Ирине вдруг сообщили, что обнаружен труп ее мужа. Попал под электричку.

С тех пор Никита стал для племянников по совместительству и папой: баловал их, покупал все. Тем более, что своих детей все еще не было. С первой женой он недавно развелся. Просто каждый из них смолоду был занят своей карьерой, зарабатыванием денег. А когда определенный уровень достатка был достигнут, и встал вопрос о том, чтобы жена бросила работу и заняла, наконец, свой почетный пост хранительницы домашнего очага, к тому времени уже довольно роскошного, то выяснилось, что она – птица вольная, высокообразованная, и эта золотая клетка ее никак не прельщает, особенно – в качестве курицы-несушки. И честная половина всего нажитого ее вполне устроит.

Спустя пару лет Никита женился на Вике, годящейся ему в дочери. Это нынче модно. А впрочем, может Ирина и ошибается в Вике, когда периодически бубнит о том, что не верит в бескорыстную Викину любовь. Я думаю, что это, скорее всего, типичная ревность сестры. Старо как мир. Со сто-

роны Никита и Вика производят впечатление вполне счастливой пары.

Тем временем загородный лесок расступился, и стали показываться особняки, один причудливей другого. Вот настало золотое время для архитекторов! Клиентов с тугими кошельками – все больше, и каждый хочет, чтоб ни у кого не было такого дома, как у него. И это здорово, в общем. Как весело рассматривать эти башенки, балкончики, флюгера и прочие атрибуты людской состоятельности.

– Ир, – прервала я затянувшееся и такое уютное молчание. – Я ведь тут была не помню и когда. Дорогу-то покажывай! А то сейчас заедем к черту на кулички.

– Вот сейчас два дома и направо. Ага. Вот их дом, крыша зеленая. А это к кому «Скорая помощь» приехала? Надеюсь, не к нашим. – Ирина вперила взгляд в лобовое стекло. – Все, стой, приехали. Может, с кем-то из obsługi плохо стало?

Выйдя из машины, Ирина полетела навстречу людям с носилками. Следом за носилками шла, кутаясь в вязаную шаль, молодая женщина. Это была Вика. Ирка, добежав до носилок, бестолково засемила рядом с ними, заглядывая в лицо тому, кто лежал на них. Затем «Скорая помощь» поглотила носилки и уехала.

Я вышла из машины. Ирина набросилась на растерянную Вику с расспросами. Как коршун на цыпленка. Я подошла к подруге и сделала попытку ее утихомирить:

– Ир, может, перестанешь развлекать всю улицу?

Вика тут же подхватила:

– Да-да, конечно, пойдете в дом.

Мы вошли. В гостиной Ирина первым делом по-хозяйски подошла к встроенному в стену бару и достала бутылку виски.

– Будете? – спросила она.

– Я за рулем, – ответила я.

Вика сделала отрицательный жест.

– А я буду, – сказала Ира и залпом выпила полстакана. –

А теперь рассказывай, что с Никитой случилось?

Дамы сели в кресла напротив друг друга, и Вика начала рассказывать.

Никита как всегда в последнее время по субботам работал у себя в кабинете.

– Как всегда по субботам? – не удержалась я от вопроса.

– Да. Он когда-то прочитал про какого-то миллионера, что тот по субботам всегда делает анализ работы за неделю. Ну и тоже привык. Я весь день провела у себя наверху: читала, смотрела телевизор, в общем, ничего не делала, ждала, когда Никита освободится, он обещал меня отвезти...

– Куда? – спросила Ирина.

– К косметологу. И еще в одно место.... А где-то полчаса назад я спустилась сюда поискать свой маникюрный набор. Заглянула к Никите в кабинет, а он лежит головой на столе. Я сразу вызвала скорую помощь. Вот и все.

Вдруг входная дверь приоткрылась, и в проеме появилось обеспокоенное лицо худощавой женщины средних лет.

– Виктория Львовна, – обратилась она к хозяйке, – мне сказали, «Скорая» была. Я прибежала, может, что случилось, помочь надо?

– Спасибо, Лариса, ничего не надо. А впрочем, прибери в кабинете у Никиты Сергеевича. Мало ли, вдруг, инфекция какая.

– Хорошо, – женщина поспешно прошла через гостиную, скрылась в холле и через минуту появилась уже в униформе домработницы.

– Это наша приходящая, – пояснила нам Вика. – Ну что же мы сидим? Наверное, надо ехать в больницу. Я сейчас в таком состоянии, что не могу сесть за руль. Вы меня подвезете? Он в областной.

И вдруг Вика расплакалась, Ирина заревела тоже. А я подошла к двери в кабинет и приоткрыла ее. Там уже всюю орудовала домработница Лариса. Из-за открытого окна на меня дуло сквозняком и вместе с ним неприятно поразил запах подгнивших фруктов. Лариса, протирая мебель, неодобрительно посмотрела на меня. В ее лице уже не было того подобострастия, с которым она разговаривала с Викторией. Вероятно, комплексует из-за своей профессии, подумала я. А может, просто не любит, когда ей мешают работать. Я вернулась к женщинам в гостиную. Они уже успокоились.

– Вика! – обратилась я к ней. – А ты не допускаешь мысли,

что твой муж просто отравился? У него в кабинете гнилыми фруктами воняет.

– Да? – удивилась Вика. – Странно. Почему я не почувствовала? Ну конечно, у меня же насморк!

– Я тоже не чувствую, – присоединилась Ирина.

– Ну еще бы! С твоим вечным тонзиллитом! – воскликнула я.

– Твоя правда, – согласилась подруга.

Вика с потерянным видом слонялась по гостиной.

– Ну чего ты пятый угол ищешь? Собирайся, и поедem в больницу, – заявила Ирина.

– Да-да, конечно, – тут же согласилась Виктория. – Только я не знаю, наверное, следует что-то собрать с собой: бритвенные принадлежности, полотенце...

– Какое полотенце, Вика? Он был без сознания. Наверняка, в реанимации.

Вика вдруг зарыдала. Мы бросились к ней. Стали успокаивать, как могли. Оказалось, могли по-разному. Я – с материнским участием, ласково. Мне, действительно, очень жаль эту, в сущности, еще девочку. Она очень страдает. Но на Ирину невесткины слезы оказали иное действие. Она увещевала Викторию тоном, каким разговаривают учителя с капризными детьми: сейчас же прекрати, перестань, довольно!.. Ну что с нее взять? Учительница – она и есть учительница, хотя это – слабое оправдание. Почему моя славная, добрая, чуткая подруга так черства? Обязательно потом ее

об этом спрощу. А впрочем, такой букет интонаций оказался эффективным: Виктория успокоилась мгновенно. Действительно, как ребенок.

– Всё! Одевайся, и поехали! – скомандовала Ирина Виктории.

– Да, я сейчас, – с готовностью ответила та.

Спустя пару минут мы уже были на улице. Вика собралась было запереть дом, но я спросила:

– А как же твоя домработница? Ты ее запрешь?

– О господи! – Вика взялась за голову. – Все-таки, я действительно не в порядке. Лариса! – громко позвала она в дверь, – Мы уезжаем. Вы закончили?

– Да, Виктория Львовна, бегу, – послышался голос и в дверях показалась Лариса, на ходу надевающая плащ.

Мы направились к машине.

– Виктория Львовна, извините... А можно мне с вами до города доехать? – вдруг спросила домработница.

Вика растерянно глянула на меня.

– Конечно, Лариса, садитесь в машину, — сказала я.

Почти всю дорогу молчали. Немудрено: какое известие ждало нас в больнице? В каком состоянии Никита? Чем больше сокращалось расстояние до города, тем беспокойней становилось у всех на душе. Впрочем, не уверена, что у всех. Не думаю, что Лариса очень уж тревожится по этому поводу. И это вполне естественно. Но почему-то именно с ней стало

плохо на последних километрах пути.

Я сидела за рулем и не следила в зеркало за ее лицом, но Ирина, сидящая на заднем сиденье рядом с ней, вдруг с тревогой спросила:

– Лариса, Вам плохо?

Я обернулась. Действительно, Викина домработница, действительно, была бледна.

– Нет, ничего. Так, немного... Вероятно, съела чего-нибудь, – попыталась пошутить Лариса.

– Да? Бывает... А вот журнал не хотите полистать? Отвлекает...

– Нет, спасибо.

– Что там у тебя за журнал? – включилась в разговор сидящая рядом со мной Виктория, – Дай посмотреть.

– Пожалуйста, – протянула журнал Ирина.

– Какой роскошный цветок! – вперилась в обложку Вика. – Как он называется?

– Понятия не имею, – сказала я.

– Просто, аленький цветочек из сказки. Совершенно волшебный.

– Да. А главное – красный. Обожаю все красное, – заключила я.

А вот и больница. Мы вышли из машины.

– Куда теперь? Мы же не знаем, куда его положили... – залепетала Вика.

– Сейчас все узнаем, – бодрящим голосом сказала Ирина.

– Спасибо большое, что подвезли! – подала голос обретшая нормальный цвет лица Лариса, – Виктория Львовна, пусть Никита Сергеевич поскорее поправляется!

– Да-да, спасибо, Лариса, всего доброго! – прервала ее Вика.

– До свидания! – скомканно попрощалась со всеми Лариса и быстрым шагом удалилась.

Мы направились внутрь здания. Действительно, Никита был в реанимации. Выяснилось, что состояние его тяжелое. Диагноз не определен. Чтобы все это выяснить, осознать и принять, потребовалось часа два и куча нервов.

Мы вышли на улицу. Вика закурила. Было видно, как дрожат ее пальцы. А Ирина как человек, привыкший не терять присутствия духа, стала говорить, что всё обойдется, что организм у Никиты крепкий, и врачи разберутся... Впрочем, то же самое говорила и я. Пожалуй, нам удалось убедить в этом друг друга. И поскольку в реанимацию все равно не пускали, не было никакого смысла оставаться здесь на ночь. Решили ехать по домам.

– Так, бросай курить и садись в машину, мы тебя отвезем, – заявила Ирина жене брата.

– Да нет, Ирина, спасибо! У тебя же дети, наверное, одни. Да и Марина тоже в извозчики не нанималась. Доберусь на такси.

– А деньги-то с собой есть? – спросила Ирина.

Вика вынули из кармана кошелек, покопалась там, вынула на миг какую-то визитку.

– Деньги есть, – сказала она, – А вот телефон я забыла. А надо бы позвонить...

Я молча протянула ей свой.

– Спасибо, я недолго, – поблагодарила Виктория и отошла на несколько шагов. Вероятно, не хотела, чтобы мы слышали разговор. Да мы бы его и так не услышали из-за рева очередной приближающейся «Скорой помощи».

Конечно, мы с подругой не могли уехать, оставив Вику одну в ожидании такси. И лишь дождавшись, когда за ней захлопнется автомобильная дверь с черными шашечками, тронулись с больничного двора. Я отвезла Ирину домой и к своему подъезду подъезжала уже почти ночью.

Надо сказать, что у нас во дворе совершенно невозможно припарковать машину, и поэтому я оставляю ее прямо на обочине бульвара напротив своего дома. К тому же, эта часть дороги прекрасно видна из окна нашей спальни. И вот, стоило только мне закрыть машину и сделать пару шагов, как вдруг где-то рядом взревел мотор, и я увидела две вспыхнувшие фары. Они стремительно двигались на меня. Я отскочила от проезжей части как можно дальше на тротуар и свалилась в куст акации, откуда с ужасом наблюдала, как безумный автомобиль быстро сдал назад, а потом, не взирая на бордюр, пронесся мимо меня по тротуару, едва не отдав

мне ноги. Затем, как ни в чем не, бывало, опять съехал на дорогу и умчался прочь. А я, совершенно обалдевшая, еще пару минут в оцепенении сидела в акации, словно клуха в гнезде.

Что это было? Покушение? Но кому нужна моя ничем не примечательная обывательская жизнь? Вернее, моя смерть? Жизнь-то нужна. И надеюсь, многим: мужу, сыну, маме... Мне самой она ужасно, еще как нужна!

Глупости! Просто сегодня очень трудный день, и в голову лезут исключительно мрачные мысли. Прочь их! Какой-то опившийся пивом болван решил покататься, а я тут накручиваю!

Ну вот, наконец-то, и родной подъезд. На подоконнике между лестничными пролетами расположилась всем известная «сладкая парочка»: Оля и Коля. Коля живет нигде, а Оля – в квартире на втором этаже. Но в той квартире еще проживает и Олина мама, очень грозная. И вот сказала мама: сама где хочешь пей, а дружков пьяных домой не води. Оля и не водит. Что ей, и отдохнуть культурно больше негде? Подоконники вона какие широкие!

Я поднялась по лестнице и поравнялась с отдыхающими.

– Здравствуйте, Марина Ивановна! – с интонацией школьницы поздоровалась тридцатилетняя Оля.

– Здравствуйте, – ответила я и стала подниматься выше. За спиной вновь раздался Олин голос.

– Ой, Марина Ивановна, где это Вы курточку-то разорва-

ли?

– Что? Где? – остановилась я.

– Да вон на спине целый клин оторван. Но ничего, не переживайте. Можно зашить.

– Ну что ты, Оля! Теперь только выбросить...

– Ой, не выбрасывайте! Лучше мне отдайте!

– Бери! Дай только до дому дойти.

Оля тут же последовала за мной.

В квартире я сняла куртку, и Оля мгновенно напялила ее на себя.

– Как раз! Как на меня шита! – Ольга была рада как ребенок и, оглаживая себя, вертелась перед зеркалом у меня в прихожей.

И действительно, эта желтая куртка даже как-то молодила ее.

– И шапку эту забирай. Вместе с шарфом. Они мне больше не нужны. Я их специально под эту куртку покупала, – вдруг решила я.

Оля надела шапку, обмоталась шарфом и, довольная, выплыла из моей квартиры, держа под мышкой свое старое пальтецо.

Я подошла к домашнему телефону. Посмотрела пропущенные звонки. Сережа не звонил. На мобильный тоже. Ну, значит, не мог. Он там, в этой тьмутаракани, работает, между прочим, а не ерундой какой-нибудь занимается. Ничего, скоро он приедет, и любые взбесившиеся автомобили будут

мне нипочем.

Так мысленно уговаривала я себя. Потом быстро перекусила, приняла душ и легла спать.

Пусть Сережа завтра приедет. Пусть Никита поправится, пусть сын сдаст сессию, пусть все будут здоровы...

Проснулась я поздно. Воскресенье. Масса свободного времени. И куда девать эту массу? А Ирина не звонила. Что ж, отсутствие плохих новостей – уже хорошая новость.

Свет мой, зеркальце скажи... Скажи, когда я в последний раз задерживалась возле тебя более, чем на пять минут? И так. Как давно я была у парикмахера? Точно не помню. Плохо! Отросшая стрижка потеряла форму. Я встала к зеркалу боком. Ну, еще ничего. Живот по-прежнему плоский, а грудь у меня всегда была скромной или как я ее гордо называю – девичьей. И вообще, хотите знать, как я выгляжу? Трудно быть объективной, но я постараюсь. А как выглядит манекен, когда его еще не раскрасили и не напялили парик? Вот и я примерно так же. У меня светлые, чаще всего очень коротко постриженные волосы. Фигура, скажу без лишней скромности, стройная. Черты лица мелкие, но вроде гармоничные. Но я очень не люблю краситься. Поэтому мое лицо с бесцветными бровями и ресницами совершенно не бросается в глаза. И можете мне не верить, но меня это ничуть не волнует. Зато иногда, по великим праздникам или когда бывает нужно представлять с мужем, я превраща-

юсь в красавицу. Макияж действительно делает чудеса. Но еще всегда надо помнить, что возраст прежде всего выдают походка и осанка, а не морщинки на лице. Не ахти какой у меня возраст, но ловлю иногда себя на том, что уже хочется этак расслабиться, выставить живот, втянуть голову в плечи, как курица... Но нельзя. Подбородочек чуть выше, спинка прямая, и нести себя как на тарелочке. В детстве я занималась хореографией, вот и вошло в привычку. А хотите, признаюсь, почему я не крашусь каждый день? Только, не надо смеяться! Боюсь, что муж скажет: «Ну вот, днем красивая, а перед сном умылась – и посмотреть не на что». Вдруг, Сережа расценит это как некий обман: если у него днем красивая жена, но почему ночью он должен спать с какой-то бледной поганкой? Но это я залезла в самые дебри своей души. Всё! Довольно душевного стриптиза! Пора в парикмахерскую.

Когда я уже собиралась выходить из квартиры, зазвонил телефон.

– Алло! – услышала я требовательный женский голос. – Это Соколова Марина Ивановна?

– Да.

– Это с почтового отделения Вас беспокоят. Когда Вы, наконец, заберете посылку?

– Какую посылку?

– Из Германии. Вы что, не получали наши извещения? Вам уже дважды отправляли. Здесь Вам не камера хранения.

Забирайте немедленно, иначе сегодня же отправим обратно как невостребованную!

– Бегу, уже бегу!

В трубке слышались гудки отбоя. Посылка. Вот так сюрприз! Из Германии. От кого, интересно? Ладно, потом узнаю.

Я пулей сбежала по лестнице и лишь на улице подумала, что без паспорта мне посылку не выдадут. Поднялась снова на свой третий этаж, зашла в квартиру и кинулась к сумочке, где обычно хранится мой паспорт. Но там его не оказалось. Так, куда я могла его деть? Лихорадочно стала перебирать книги, шкатулки. Все напрасно. Надо вспомнить: когда в последний раз я брала его в руки? Ну конечно же! Вот балда! Неделю назад я была в банке. Я была одета... в кожаную куртку. Точно, вот он, родимый!

Выскочила из подъезда, обогнула дом и направилась на почту. Впереди меня на довольно приличном расстоянии торопливо семенила пьянчужка Оля. Видать, горючее закончилось. Вон как спешит. А курточка-то моя и вправду ей идет, складно сидит. Винный магазин находился через дорогу, как раз рядом с почтовым отделением. Так что, соблюдая большую дистанцию, мы двигались в одном направлении.

А дальше случилось ужасное. Как только Оля стала переходить дорогу, припаркованный поодаль джип сорвался с места и ринулся на нее. Я видела, как Оля прибавила шагу, и если бы автомобиль мчался по прямой, то трагедии бы не

произошло, но он резко вильнул в ее сторону. Ольга нелепо взмахнула руками и, отлетев на пару метров, распостёрлась на асфальте. Автомобиль же, не сбавляя скорости, скрылся.

В несколько секунд вокруг тела Оли – я почему-то сразу поняла, что это было уже лишь тело – образовалось кольцо людей.

– Мариночка, вот горе-то какое! – запричитала стоявшая рядом тётка. В ней я узнала одну из тех, кто круглосуточно ведет дежурство на дворовых лавочках. Я не знала из какой она квартиры, не знала ее имени, но тому, что она знала моё, не удивилась. Такие всё про всех знают.

– Да, ужасно, – ответила я.

– Такая молодая еще, что за черти гоняют, бандиты, на-покупали иномарок, чтоб людей давить...

Откуда-то появилась машина «Скорой помощи». Расторопные ребята положили тело на носилки и понесли в машину. В такт их шагов покачивалась свесившаяся рука в желтом рукаве. А на асфальте осталась лежать вязаная шапочка. Как замороженная, смотрела я на нее...

– Милая, всё уж, увезли. Ты чего замерла-то? Плохо тебе, что ли? – услышала я все тот же назойливый голос. – Пойди, милая, пойди. Ты куда шла-то?

– На почту.

– Какая ж тебе нынче почта? Сегодня же воскресенье – выходной.

В один из подъездов обычной многоэтажки зашел мужчина. Спустя пару минут сюда же вошла женщина в темных очках с длинными светлыми волосами. Как только за ней захлопнулась дверь, старичок, сидящий все это время на лавочке, задорно хлопнул себя по коленке и издал восторженное «Эх»! А все потому, что ему показалось загадочным появление этой парочки. Приехали на одной машине, потом как незнакомые разошлись в стороны и разными дорожками зашли в один и тот же подъезд. И воображение любопытного старичка уже рисовало их тайные любовные сцены, одна красочнее другой. Как бы хорошо было поделиться с кем-то своими наблюдениями, но увы... Двор абсолютно чист от потенциальных слушателей. Не везет!

А в это время в квартире на четвертом этаже происходил разговор, на любовный лепет совсем не похожий.

– Черт, черт, черт! Всё не так! Всё зря! – мужчина ходил по комнате как неприкаянный.

– Да успокойся ты! Что не так? Сейчас, по-моему, всё получилось. Что ты нервничаешь?

Мужчина остановился возле сидящей на диване женщины и с ненавистью посмотрел ей в лицо.

– Что я нервничаю? Да ничего! Абсолютно ничего! Ведь это не ты, а я был за рулём. А если меня кто-то запомнил? Вычислят тут же. Вот и будет все зря! – мужчина всплеснул руками.

– Я тебя не понимаю, – холодно сказала женщина, – ведь

это не я, а ты все придумал. Я просто согласилась тебе помочь, потому что... Ты сам знаешь, почему, – ее голос вдруг повысился, – но я никак не предполагала, что мне придется быть еще и нянькой! Хватит сопли распускать! Я сделала все, как ты велел. Будем ждать.

– Чего ждать? Полнейшего и скорейшего выздоровления?

– Я не знаю! Это ты мне впаривал, что вариант беспрорышный, что от этого еще никого не откачали. Так, чего же ты ноешь?

Мужчина сел рядом с женщиной. Было видно, что его взрыв уже позади, осталась лишь дрожь в беспокойных пальцах.

– Да, ты права, я что-то расклеился, не бери в голову, – он примирительно положил руку на колено женщине, а та немедленно взяла ее в свои ладони.

– А может, эта баба еще не успела его прочитать? А? Может, на воду дуем? – опять заволновался мужчина.

– Может, и дуем. Но так-то оно спокойней, милый.

Женщина все пристальней смотрела в лицо мужчины, затем сняла темные очки и приблизила свое лицо к нему, пристально заглядывая в глаза.

– Игорь, – сказала она, – мы так давно не виделись...

– Неужели? – нервно усмехнулся он.

– Ты понимаешь, что я имею в виду, – тихо, но настойчиво произнесла женщина.

– Если бы ты знала, как я устал! – мужчина попытался

встать, но женщина не выпустила его руку из своей.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Я выпью чего-нибудь. Тебе налить?

Женщина отрицательно покачала головой, не сводя с него взгляда. Мужчина подошел к шкафу, открыл дверцу и выбрал одну из открывшегося ряда бутылок. Медленно налил себе на доньшко и так же медленно выпил. И лицо у него было таким, с каким идут на казнь. Но оно вмиг сменило выражение, стоило лишь ему повернуться на сто восемьдесят градусов.

– Ну, иди ко мне! – сказал он. – Тольконими этот чертов парик!

Моя голова перестала что-либо понимать. Ноги донесли меня до машины, благо, она была недалеко, а ключи были с собой. В надежде успокоиться, собраться мыслями, я села за руль. Моя машина на данный момент оказалась одним из самых ближних плацдармов моей, доселе спокойной и благополучной, жизни.

Видеть, как на твоих глазах погибает человек – это ужасно. Еще страшней, если понимаешь, что он не случайно погибает, а становится жертвой неизвестного убийцы. А уж если предположить, что Ольга умерла вместо меня, то... Неужели это, действительно, так? Да, скорей всего, так. И надо себе в этом признаться. Убийцу сбили в толку моя желтая куртка и шапка, которые вчера были подарены мной несчаст-

ной Ольге.

И вчерашнее происшествие, когда я чуть не оказалась под колесами неизвестного автомобиля – не случайность. Кто-то задался целью меня убить. Как это нелепо, страшно. Но если я сейчас буду отрицать очевидное, буду словно страус прятать голову в песок, то этим я не обеспечу себе безопасность. Надо попробовать в этом разобраться. Где, когда, кому я принесла такое зло, что меня хотят сжить со свету? Кто мой враг? А прежде всего, у кого из моих знакомых черный джип? Марку и номер, я, конечно, не разглядела, да и они были в грязи, просто визуальнo запомнила очертания машины.

Я мысленно перебрала в голове знакомых. Нет, именно такой машины, вроде, ни у кого не было. Да и кому я могла навредить? С моего последнего места работы из областной газеты я ушла полгода назад. Вроде. Все мои бывшие коллеги остались приятелями. Дальше. Личная жизнь. Здесь никакой враг не может появиться по той простой причине, что личная жизнь отсутствует, ведь, под личной жизнью у нас принято понимать интимные отношения вне брака. А у меня они только в браке. Это называется семейная жизнь, а не личная. Есть еще, конечно, чисто теоретическая возможность того, что какая-то особа влюбилась по уши в моего мужа и по этой причине хочет лишить меня жизни. Но к чему такие сложности? Предприимчивые дамы запросто уведут мужей от любящих жен и безо всякого криминала.

Итак, выводы? Никаких. Но зато в процессе размышления я успокоилась и даже обрела некоторую уверенность. Что будет, то и будет. Разберемся. Будем надеяться, что эта сволочь, кто бы он не был, покушается на человеческую жизнь не чаще раза в сутки. Поэтому визит в парикмахерскую никто не отменял. Я взялась за ключ зажигания... Но нет, на самом доньшке моей души остался ледяной комочек страха, как я ни хорохорься. Не, я не поеду на своей «Ладушке». Вдруг, убийца где-нибудь рядом, и я не хочу быть красной тряпкой для быка. Кстати, моя машина действительно красного цвета, и я ее обожаю. Я любовно провела рукой по обивке, глянула на заднее сиденье. Как это я о нем забыла? Купленный мною вчера журнал. Надо все-таки прочитать. Он такой приятный на ощупь, глянцевоый, но главное его достоинство – чудная обложка. Интересно, как называется этот цветок? Возьму с собой, рук не оттянет. И если в парикмахерской очередь – я ведь без записи – будет что почитать. Я закрыла машину и направилась в сторону ближайшего дамского салона, это недалеко, только дорогу перейти. Движение не очень большое, но в свете последних событий... Я стояла и собиралась с силами, чтобы преодолеть это расстояние, как вдруг возле меня остановилась симпатичная иномарка. Тонированное стекло плавно опустилось, и я увидела знакомую мордашку. Леночка, моя бывшая коллега по редакции, вернее, стажерка. Она улыбнулась мне и приоткрыла дверцу машины.

– Мариночка Ивановна, здрасьте, – проворковала она, – Вас подвезти? Садитесь!

Леночка была как всегда обворожительной. Возможно, поэтому никто не называл ее в редакции просто Леной. Только Леночкой.

И что должна была сказать ей? Что я стою здесь как соляной столб, потому что боюсь дорогу переходить, а вовсе не потому, что ловлю такси. Да и как приятно, в конце концов, хоть несколько минут посидеть рядом с человеком, который так улыбается!

В машине было уютно и пахло какими-то дивными духами.

– Леночка, что за духи? Чудесные какие!

– Французские какие-то. Я с названиями путаюсь. У меня их теперь целая коллекция.

– Ого! Давненько же мы не виделись. Тебе так сильно повысили зарплату или...

– Да я с работы ушла. Я замуж вышла.

– Поздравляю!

– Спасибо! Вас куда подвезти?

– А ты куда сама едешь?

– Я в центр, на Февральскую.

– Вот чудненько! И мне там рядышком, – соврала я. А впрочем, не так уж соврала. Я куда собиралась? В парикмахерскую. А что, их в центре нету?

– Ну рассказывай! Что за муж, чем занимается? Судя по

машине и духам, дела у него идут неплохо, да?

– У него? У него все в ажуре, все прекрасно! – в голосе Леночки вдруг проявился сарказм. Я была удивлена.

– Девушка, ты хоть понимаешь свое счастье: и любовь тебе, и деньги. Как говорится, в одном флаконе...

– А я что-то говорила про любовь? – в голосе Лены уже чувствовались слезы.

– Нет, но вообще-то это как-то подразумевается. Ты вышла замуж... Леночка, извини меня, пожалуйста, я совсем не хотела тебя обидеть. Прости, я такая бестактная дура...

– Да ничего, Марина Ивановна, просто я вся на нервах. Ума не приложу, что и делать... Вы, я знаю, никому не расскажете, я Вас всегда уважала за это... А я хоть выболтаюсь, может, легче станет. А то в наше время подругам-то доверять нельзя.

– Не волнуйся, я никому не расскажу.

– Мариночка Ивановна, я не знаю, что мне делать. Я не люблю своего мужа. Ну и что, не у всех же эта самая любовь! Он, все-таки, человек достойный, состоятельный. Я честно хотела стать ему хорошей женой. Ведь, ни у кого из моих подруг не было такого богатого мужчины, как было упустить, не выйти? Я даже, представляете, не знаю, сколько у него денег, недвижимости всякой. Думала, здорово! А сейчас даже неинтересно. Все мысли о другом. Только об Артуре.

– Что за Артур?

И тут Леночка поведала мне такую историю.

Где-то месяц назад, кстати, сразу после ее медового месяца, познакомилась она с художницей. Дело было на корпоративной вечеринке у мужа. Вот там она и познакомилась с этой Ланой.

– Ты сказала «Лана»? – прервала я ее рассказ.

– Ну да, я же говорю – художница. Мы с ней разговаривали, то, сё, а потом она и говорит, что я такая необычная, интересная... Ну прямо прошусь на полотно. Портрет, в общем, предложила мне написать, дала свою визитку и просто умоляла позвонить. Ну я и позвонила дня через три. Приехала к ней, а у нее в мастерской... Кстати, у нее так классно! Представляете, кругом драпировки, штучки всякие античные, ковры... Ну вот, захожу я, а она рисует, и ей мужчина какой-то позирует. Он почти обнажен, только вроде на бедренной повязки что-то, а так – считай, голый. И мужчина этот... Ну как Вам его описать? Ну, у Наташи Королевой мужа видели? Так вот этот Тарзан ему и в подметки не годится. Ну, Лана мне сразу его представила, это Артур, брат ее.

Потом он вышел, а Лана стала меня готовить к позированию, образ создавать. Пришлось почти совсем раздеться, простыней какой-то обмотаться. Как древнегреческая женщина типа. А тут Лане звонок, срочно надо куда-то бежать. Ну, она, конечно, сильно извинялась. Сказала, что раньше, чем через пару часов вернуться не сможет. Ну ладно, думаю, приду в другой раз. Уже и правда настроилась портрет собственный заиметь, уже и место в доме наметила..., и только

я хотела одеваться, а Лана эта кричит: «Артур, угости мою гостью кофе, а то мне так неловко ее оставлять...». Что-то в этом роде..., и он опять входит. Ой, ну Вы бы его видели! А взгляд! А я стою как дура, будто столбняк напал. Потом, правда, опомнилась. И ничего такого я все равно не собиралась, честно! Ну хорош мужик, нечего сказать, ну и что? Что я, мужиков красивых не видела? А после кофе не знаю, как и получилось. Как в тумане. И вот теперь целый месяц как привязанная... Но это еще не все. Три дня назад Лана меня чуть не убила.

– Что? – я открыла рот от удивления.

– Да нет, не в этом смысле. Просто, она мне открыла одну вещь... Оказывается, Артур серьезно болен, очень серьезно. Опухоль головного мозга. Он не хочет мне говорить, чтобы не расстраивать, а сам держится только на обезболивающем.

– Это все Лана тебе сказала? – уточнила я.

– Да, представляете, он может умереть, – Леночка подавила рыдания, – и ему для операции нужны деньги, очень большие. У меня деньги, конечно, есть, но не столько. Я могу попросить у мужа, но чем я буду мотивировать: дорогой муж, дай мне денег, у меня любовник заболел? Даже не знаю, что и делать. Вот сейчас отдам, сколько есть. А потом еще что-нибудь придумаю.

– Да, – задумчиво произнесла я, – интересная история.

– Не то слово!

Тем временем мы уже были на Февральской. Мы вышли

из машины, попрощались, и перед тем, как Леночка забежала в парадный подъезд какого-то старинного здания, я ее окликнула:

– Лена, а портрет-то хороший получился?

– Какой портрет? – не сразу поняла она. – А, портрет! Да мы его забросили, вернее, и не начинали.

Леночка скрылась, а я все переваривала услышанное. Интересно!

Проводив Лену взглядом, я поняла, что в парикмахерскую мне расхотелось. Тогда куда? Если бы дома был Сергей, то, конечно, я полетела бы туда пулей. Но изнывать от дурных мыслей в одиночестве, запершись в четырех стенах? Нет, увольте! Ленкино щебетанье меня немного успокоило, но совсем немного. И пока я не расставлю все свои расшатанные нервы по местам, домой сегодня не пойду. Здесь, в центре города, среди ярких витрин, доносящейся откуда-то музыки и просто среди людей чувствуешь себя более защищенной, чем дома за замками.

Не зря пословица гласит: «На миру и смерть красна». Короче, где будем нервы укреплять? А вот в этом прелестном кафе, как раз напротив здания, в которое вошла Леночка.

Я открыла дверь, вошла. Довольно мило. Почти все столики свободны. Сразу же подошел приветливый официант, подал меню. Приятно. Выбрала то, что еще никогда не пробовала. Говорят, если ешь что-то новое, то надо загадывать

желание, и оно сбудется. А у меня столько нереализованных желаний, что можно лопнуть этаким-то образом.

И с этим журналом как с писаной торбой... Зачем я его взяла? Даже сумочки с собой нет. Ладно, буду таскать...

Мой заказ еще не принесли, и прекрасно. Если бы они знали, что в моем случае, чем дольше, тем лучше, то, наверное, удивились бы. Так хорошо сидеть под тихую приятную музыку и рассматривать сквозь невесомые занавески улицу, прохожих. Вдруг мне показалась знакомая фигура. По-моему, это Лана, та самая художница. И вышла она из тех самых дверей, в которые вошла Леночка. Вышла и столкнулась с шедшей ей навстречу полноватой, солидно одетой дамой. Они стали о чем-то беседовать. Хотя, слово «Беседа» было слишком невинно для развернувшейся сцены.

Солидная дама все больше и больше стала жестикулировать. Похоже, она уже не говорила, а почти кричала. Лана же старалась сохранять невозмутимый вид, и всеми правдами и неправдами пыталась как-то обойти особу. Но это было непросто. В какую бы сторону не направлялась художница, разгневанная дама вставала на ее пути и махала руками в перчатках перед самым лицом художницы, как и в прошлый раз одетой в какие-то живописные отороченные мехами лохмотья. Это было весьма комично, слишком уж наряд обеих дам не соответствовал их базарному поведению. Будь они обе одеты попроще, как две обычные женщины, никто бы не обратил на них особого внимания: подумаешь, бабы ругают-

ся! Но здесь были явно не бабы, а именно дамы с полным набором соответствующих аксессуаров: сумочки, перчатки, шляпки. Просто так встретишь – и то взглядом зацепишься. А уж как не посмотреть, как они полощутся! Вот уже и публика стала собираться.

По-видимому, главные участницы представления нашли в себе силы оглянуться вокруг. И сразу их пыл иссяк. Дама в солидном костюме уверенно прошагала к стоявшему рядом автомобилю и села на заднее сидение. Автомобиль сразу тронулся. Интересно, кто же сидел за рулем? Как он мог не вступить за свою пассажирку? Впрочем, кто их знает... А Лана, минутой спустя, уехала в противоположном направлении на такси.

Мне принесли мой заказ. Ничего. Вкусно. Но, честно говоря, название этого блюда обещало большее. Впрочем, обычная история.

Зазвонил мобильник. Ирина! Ну, наконец-то! И сразу безо всякого «Здравствуйте»:

– Маринка, давай быстро ко мне. Не спрашивай. Ничего не случилось. Я тебя кое с кем познакомлю. И давай не задерживайся. Всё!

Послышался сигнал от входной калитки. Виктория взглянула на экран камеры наблюдения. Рая! Очень кстати. Вика нажала кнопку.

В калитке что-то щелкнуло, и тяжелая дверь приоткры-

лась. Теперь Рая беспрепятственно вошла на территорию, окружавшую особняк своего босса. А приветливо улыбающаяся Виктория уже стояла в проеме дверей дома.

– Картина Репина «Не ждали»! – провозгласила Рая, прежде чем приблизилась к старой подруге.

– Давай заходи, выдумщица, – укоризненно сказала Вика. Оказавшись в просторной гостиной, Вика жестом пригласила гостью пройти.

– Как хорошо, что ты приехала! А то я тут в одиночестве уже с ума схожу, – устало произнесла она.

– В одиночестве? А скажи на милость, что ты тут такого делаешь в одиночестве, что звонков не слышишь? Я сегодня тебе раз пять звонила. Глухо! – Рая вопросительно посмотрела на подругу.

– Да? Не видела... В общем, я отлучалась ненадолго проехавшись до центра, прошлась по магазинам. Знаешь, хорошо действует. А что ты стоишь? Устраивайся, где тебе удобно.

– Да мне удобно, удобно, – Рая плюхнулась на ближайший диван, – слушай, а зачем столько диванов в одной комнате? – и сразу без перехода спросила, – Ну как ты вообще держишься?

– Да, а что же еще остается? – рассеянно ответила Виктория.

– Ну а что врачи говорят? Неужели все так серьезно?

– Да ничего они не говорят. В том-то и дело! Просто в реанимации его держат, и никого к нему не пускают. Я – в

абсолютном неведении! Странное такое ощущение, как в вакууме.

– Представляю. А что у нас на работе завтра будет твориться! Еще же практически никто не знает. Я сама-то случайно узнала, ты ведь, не догадалась позвонить! А у меня знакомая в приемном покое работает, она мне и сообщила. Я ужас как расстроилась, честное слово! Такого начальника, как Никита Сергеевич, поискать! Да нет, таких просто больше нет! Без него все замрет...

Рая говорила как будто сама с собой. Затем взгляд ее упал на лицо Вики, и она тут же поправилась:

– Ой, ну что ты на меня так смотришь? Я что-то сказала не так? Перестань, ты меня неправильно поняла! Просто, даже день, два дня неопределённости – знаешь, сколько из каждого угла дряни повывалит! Конечно, Никита Сергеевич поправится и вернется на свое место. Я в этом уверена! Но ведь, не завтра же, правда? Вот в чем вопрос...

– Да, конечно... Ладно, сама-то как? Я так давно тебя не видела! Что у тебя нового в личной жизни? – спросила Виктория.

– А в личной жизни – ничего нового. Слушай, что у тебя там? Какие-то звуки.

– Не обращай внимания. Это наша приходящая. На кухне убирается.

– О!

– Ну перестань. Никита настоял. Так что, значит, замуж

еще не надумала?

– А за кого, подруга? И вообще, с тебя как бы причитается. Тебя кто с твоим благоверным познакомил? Я! А теперь твоя очередь меня с кем-нибудь познакомить. Из вашего круга. Как, не желаешь свахой поработать?

– Ну, во-первых, я сама с Никитой познакомилась...

– Интересно! А кто тебе дал тот счастливый билет? Неблагодарная! – возмутилась Рая.

– Ну что ты, Раечка, я тебе благодарна. Но я же не знала, что у Никиты на том концерте место рядом с моим будет. А ты мне, помню, столько рассказывала о своем начальнике, и я представляла его таким.... Скажу честно – страшным. И ни за что не взяла бы у тебя тот билет, если бы знала, что мое место будет рядом с ним.

– Да если бы не температура под сорок, я сама бы пошла на этот корпоративный культпоход. Но что делать – видать, не судьба.

– Слушай, ну а на работе? Ведь, у вас много мужчин. Неужели у тебя ни с кем нет романа? Неужели ни с кем не было?

Усталое лицо Виктории от любопытства все больше обретало румянец, а глаза – блеск. Но будничным тоном Раи вмиг остудил пыл ее женского интереса:

– Да нет, тут все глухо как в танке. Ну конечно, это потому, что я сама так решила. Знаешь, насмотрелась я на эти служебные романы. Сначала порхают от счастья, глазки строят,

потом видеть друг друга не могут. А на работу-то ходить надо! Вот и идут как на голгофу. А как друг друга подсигивают! И все из-за чего? Из-за романа? Увольте меня от таких романов! Да и знаешь, положение тоже обзывает. Все-таки, я в какой-то степени – доверенное лицо первого лица. О, как сказала!

– Ну да, так и есть!

Подруги улыбнулись.

– А я и не знала, что ты такая серьезная, – удивленно сказала Вика.

– Да я и сама не знала, – шутливо ответила Рая, – слушай, хозяйка, у тебя тут курить-то можно?

– Ну конечно! – засуетилась Виктория. – Сейчас пепельницу дам. Может, ты голодная, скажи...

– Не хочется. Только покурить.

Раечка достала из кокетливой сумочки сигареты, зажигалку. С наслаждением сделала первую затяжку.

– А ты что, бросила? – спросила она.

– Да не совсем... Но сейчас не хочется. Слушай, а какая же, все-таки, ты у нас красивая деваха!

Раечка с сигаретой в изящных пальцах, действительно, смотрелась очень эффектно. И сигарету держала как-то необычно, не как все. Поблёскивали перламутровые ноготки...

– Знаешь, я не верю, что ты не можешь найти себе кого-нибудь подходящего. Ты слишком красива. И стоит тебе

захотеть, как у тебя будет любой, на кого ты глаз положишь. Я права? – серьезно спросила Вика.

– Ты права, – так же серьезно ответила Рая. Если честно, мне это, действительно, мало надо. Меня больше привлекает перспектива успешной бизнес-вумен. Вот если бы я могла надеяться, что за мой добросовестный труд Никита Сергеевич включит меня когда-нибудь в соучредители, хотя бы на один процентик. Я бы на эту компанию вообще жизнь положила. Или хотя бы какой-то отдел мне поручить... Знаешь, мне это много интереснее, чем...

– Чем роль домохозяйки, – подсказала Виктория.

– Ну да. Поэтому можешь своему драгоценному как-нибудь обмолвиться насчет моих наполеоновских планов, не возражаю. Но это я, конечно, шучу, – напряженно засмеялась Рая.

– Хорошо, обмолвлюсь, как только поправится. И я не шучу.

– Ну вот за это спасибо, подруга!

– Да пожалуйста! Слушай, а я все о том же... Ну как красивая молодая женщина может быть без мужчины? Все-таки, не могу поверить: как вот ты такая вся красивая, такой сексуальный раздражитель ходишь по офису, и мужчины тебя не волнуют, и они к тебе спокойно относятся? Так не бывает!

– А кто тебе сказал, что они спокойно относятся? Очень даже беспокойно. Особенно некоторые. Я, конечно, делаю вид, что ничего не вижу, но я же не слепая. Игорь Анатолие-

вич, например, просто глазами ест, бедный.

– Да ты что? И давно? – Виктория вдруг неожиданно оживилась, – И что же ты... Неужели ничем не ответишь?

– А не знаю... Может, ради спортивного интереса и отвечу. Я еще не решила. – глаза Раи сверкнули, а Виктория возбужденно продолжила тему.

– А действительно, почему бы и нет? Савин – очень интересный мужчина. И статус вполне... И мне трудно поверить, что ты не рассматриваешь его как...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.